

— Кто такие?
— Откройте, свои... Из магазина вернулись...

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

Ж Р О Ж О Д И Л

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

— Алло! Вы спрашиваете, как у нас с передачей опыта? Нам не до этого... Мы его накапливаем...

Тут же ПО ВЫС

ТАК НАЗРЕВАЮТ КОНФЛИКТЫ...

В иных очерках экскурсанты выглядят такими пейзажами, попавшими в страну чудес. Такой очерковый пейзажник не осматривает выставку, не учится на ней, а непрерывно восхищается. Вся его речь состоит из восторженных восклицаний и пышных эпитетов.

В жизни всё происходит иначе. Во-первых, речь экскурсанта не состоит из одних восклицаний и пышных сравнений. Во-вторых, он не находится непрерывно в состоянии восторга и восхищения. Иными словами, по выставке ходит не восторженный пейзажник, а вдумчивый, пытливого человека, строгий ценитель и знаток колхозного труда. Откройте книгу отзывов любого павильона, и вы найдёте в ней немало дельных замечаний, критических записей, советов. Например, в книге отзывов Павильона механизации мы находим совет усовершенствовать многоковшовый экскаватор Дмитровского завода. Тут же приложен чертёж.

Далеко не всегда осмотр выставки протекает бесконфликтно. Объясняется это просто. Не все экскурсанты, прибывшие на выставку, сотканы из одних добродетелей. Есть у них и недостатки, которые явственно проступают именно здесь.

В Павильоне крупного рогатого скота мы были свидетелями такого любопытного разговора.

— Ишь, как его разнесло! — сказал невысокого роста юркий рыжеусый колхозник, оглядывая огромного быка — целую гору мяса. — Тысяча двести килограммов! Здоровая машина!

— Вот это бык! Не нашему чета! — отозвались другие колхозники.

— Это почему же? — обижается рыжеусый. — Наш бык тоже не плох. Дать ему настоящие корма — он и полторы тонны вытянет.

— Почему же ты не даёшь?

— Так разве от меня одного зависит? Я бы всей душой. Кормовая база не позволяет. Нет у нас настоящей кормовой базы.

— А ты ждёшь, пока тебе эту кормовую базу в мешке принесут? Ты заведующий фермой или кто?

— Ну, я.

— Значит, должен корма иметь!

— Опять двадцать пять! Так я же не один. Есть у нас председатель, правление. Я кормовой вопрос много раз ставил...

— Ста-вил! Вякнешь что-нибудь — и в кусты.

— Неправильно! Категорически об этом заявляю...

— Ты уж не заявляй, а помолчи. Знаем, говорить ты горазд, а вот дела что-то не видно...

Чем больше осматривали экскурсанты животных, тем больше накалялась атмосфера. К концу обхода животноводческого городка стало ясно, что рыжеусому колхознику по приезде домой придётся серьёзно заняться кормовой базой или... навсегда распрощаться с заведением фермой.

Ещё более остро протекал разговор в павильоне «Детские ясли». Мы осматривали его вместе с группой колхозниц из сельхозартели имени Сталина, Емильчинского района, Жито-

ествие ТАВКЕ

ТОВАРИЦ ИЗ РАЙОНА

Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА.

мирской области. Всё здесь нравилось мамашам. И сверкающая чистотой спальня, и ванная с душами для маленьких, и озвученные игрушки, и самодельное кино, и специальные столики на три сугубо детские персоны, и прогулочный манеж для граждан от двух месяцев до полутора лет.

Экскурсии шли конвейером, одна за другой. Вдруг из соседней комнаты донеслись возбуждённые женские голоса:

— У всех людей, как у людей, только у нас всё шиворот-навыворот. Дитё негде оставить!

— Почему же негде? — неуверенно возразил мужской голос. — Ясли у нас имеются...

— Одно название — ясли. Насмешка, а не ясли! Лучше бы не вспоминал!

— Не знаю, что вам ещё надо. Продуктов, кажется, правление отпускает вдоволь. Кормим ребят хорошо.

Этого, видимо, мужской голос не должен был произносить. Женщины закричали:

— Пищей козыряете!

— А где эту пищу готовят? Кухни порядочной нет!

— Кроватей не можете купить! Ребята на топчанах спят!

Мы зашли в комнату.

— Товарищи женщины, — сказал мужчина, косясь в нашу сторону. — Не будем открывать здесь митинг. Мы людям мешаем...

— Ничего, люди нас не осудят. Пусть послушают!

— Давайте дома об этом поговорим, — продолжал увещевать мужчину, вытирая с коричневой шеи капельки пота. — Всё же здесь как-то неудобно!..

— Удобно! Пусть люди добрые знают, как у нас дела делаются. Самый худший дом на селе отдали под ясли. А на отчётно-выборном как вы распинались: товарищи женщины, будьте покойны, первым делом построим ясли! А где они, товарищ председатель?

— Вы же знаете, какое у нас было большое строительство, — сказал председатель и, обернувшись к нам, добавил, как бы ища поддержки: — Скотобаз каменный выстроили, поверьте, не хуже, чем на выставке. Подвесную дорогу провели — первую в районе, амбар поставили, мастерские... Ну, а до яслей руки не дотянулись...

Председатель ещё долго оправдывался. Мы ушли, так и не дождавшись конца разговора. Спустя два дня мы встретили председателя в узбекской чайхане.

— Ну, чем закончился ваш конфликт? — спросили мы.

— Разве с ними сладишь?.. — махнул рукой председатель. — Как они увидели эти ясли, так у них душа ходуном пошла. Думаете, на выставке разговоры кончились?.. Не знаете вы наших женщин. Два дня в общежитии покоя не давали. Тебе бы отдохнуть, а они: жи-жи-жи! Махнул я рукой, пошёл да взял типовый проект. Средства у нас есть, построим ясли. А вообще с женщиной конфликтовать не нужно. Она в колхозе, как говорится, большая сила!

Председатель допил свой чай и ушёл. А мы ещё раз подумали, что жизнь на выставке протекает не без конфликтов.

С. ШАТРОВ

— Мало того, что колхоз отстающий, ещё неизвестно, где его искать...

СКОРОСТНАЯ МУЗА

Он автор множества творений,
Он драматург и сценарист,
На первый взгляд — могучий гений,
Писатель-энциклопедист.
Он ищет «модные» проблемы,
Для дела не жалея сил.
Такой не сыщешь ходкой темы,
Которой он не отразил.
Он написал о коктейль-холле,
О дрейфе заполярных льдов,
О трудном промысле китов,
Совместном обученье в школе,
О жизни Пабло Пикассо,
Целинных землях в Кустанае...

Он знает в равной мере всё,
Поскольку ничего не знает.

Итак, писатель-эрудит,
Во-первых, очень плодovit,
И пишет он о чём угодно,
Но только лишь о том, что модно.
Отметим также мы затем
Его необычайный темп.
Ещё девчата-новосёлы
Лишь отправлялись на Алтай,
А он уже испёк весёлый

Сценарий «Первый караван»
И пьесу «Целина и трактор»
[Комедия, четыре акта].

Вот почему наш эрудит
Своею хваткой знаменит.

Спеша всегда к заветной цели,
Стараясь вырваться вперёд,
Он пишет пьесу в две недели,
И столько же она живёт.
На первый взгляд — могучий гений,
В труде подвижникам сродни,
Он автор признанных творений:
Халтурой признаны они.
Свой век прожив в литературе,
Он не оставит ничего,
Специалист по конъюнктуре —
Вот в чём призвание его.
И если вдруг возьмётся смело
За конъюнктурщиков печать,
Что драматург наш будет делать!
Он будет так же скороспело
О конъюнктурщиках писать.

В. БАХНОВ,
Я. КОСТЮКОВСКИЙ

В Сумской области сельских культпросветработников часто занимают хозяйственными делами, не связанными с их специальностью.

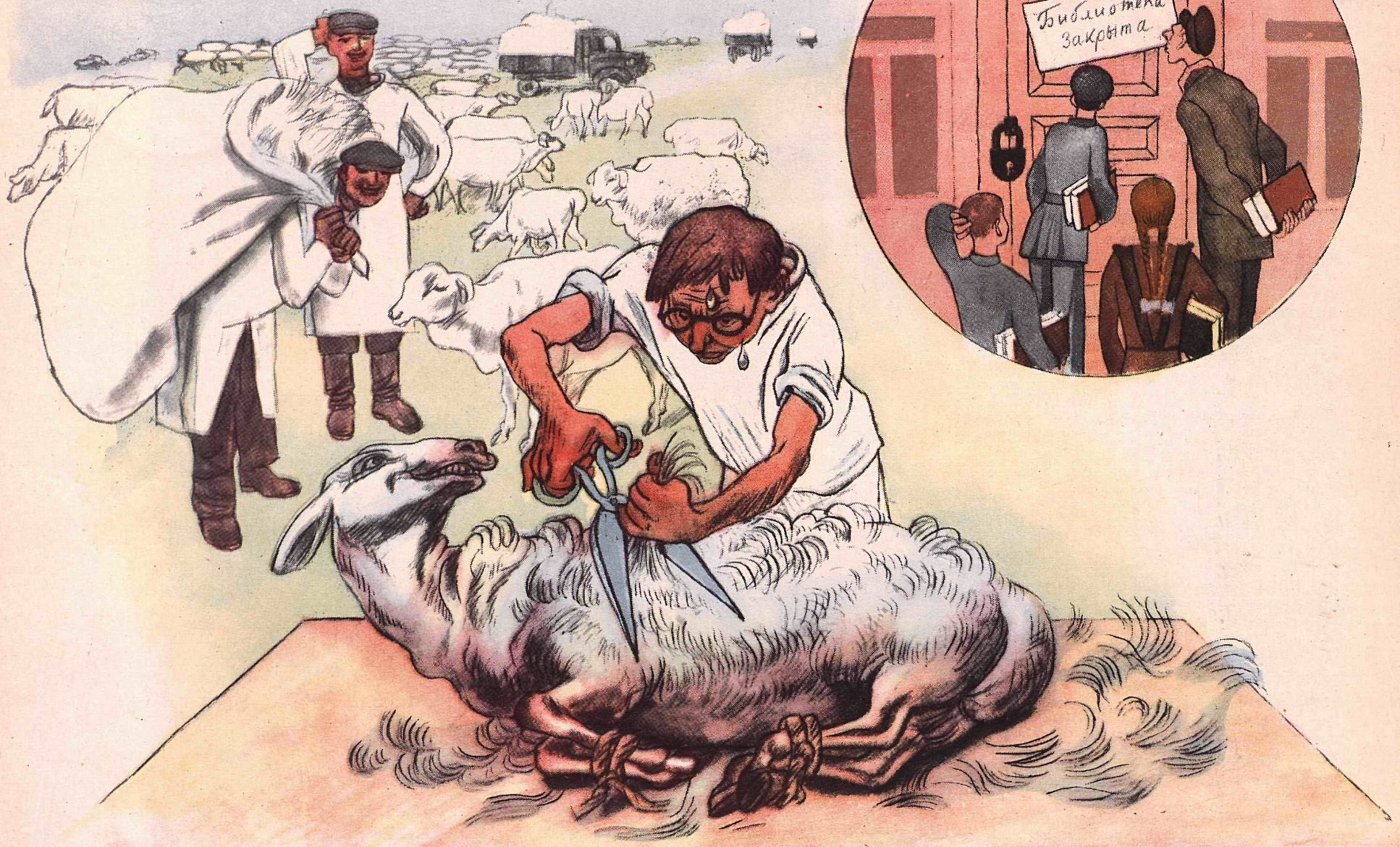

Рисунок М. ЧЕРМНЫХ.

— Плохо библиотекарь работает: за весь день только одну овцу остриг.

Существует рассказ о некоем дореволюционном бакалейщике, который повесил в своей лавочке плакат с надписью: «Сегодня — за деньги, а завтра — в долг». Покупатели — бедные люди — сперва было обрадовались. Однако скоро им пришлось разочароваться: когда бы они ни приходили в лавочку, всегда было «сегодня».

Эту историю мы вспомнили, побывав в овощехранилищах города Иванова. На текстильной фабрике имени 8 марта строение, представшее нашим взорам, по видимому, много лет назад действительно было овощехранилищем. Теперь же оно больше походило на старинную шахту — сырую, затхлую, всюду подпёртую стойками, балками и рейками.

Четыре года тому назад директору фабрики И. Ф. Частухину доложили об этом.

— Ну что ж, — заявил он тогда. — В нынешнем году ещё подремонтируем старое овощехранилище, а в будущем обязательно поставим новое.

Прошёл год.

— Вы в прошлом году обещали построить новое хранилище для овощей, — напомнили товарищу Частухину.

— А что я говорил?

— Вы сказали: «В нынешнем году ещё подремонтируем старое, а в будущем обязательно поставим новое».

— Правильно. Я и сейчас это подтверждаю: в нынешнем году ещё подремонтируем старое, а в будущем обязательно поставим новое...

Так оно и идёт: в каждом «нынешнем году» гниёт картофель и тратятся деньги,

НАСЧЕТ КАРТОШКИ

время, рабочая сила, а «будущий год» товарища Частухина всё никак не наступает.

— Что ни год — подпираем эту гниль, — говорит плотник И. Дементьев, — а что толку? Гниль — она гниль и есть!..

Всем на фабрике ясно, что денег, затраченных на ремонт, хватило бы с лихвой на постройку нового хранилища. И только товарищу Частухину это невдомёк.

В отличие от него директор текстильной фабрики имени Дзержинского товарищ Фомичёв три года тому назад соорудил новое каменное овощехранилище. В нём бы картошке лежать да радоваться. Но товарищ Фомичёв задумал расширить производственный корпус фабрики.

— Дело хорошее! А где свободная площадь? — спросили работники фабрики.

— Эх, вы!.. — укоризненно сказал директор. — А овощехранилище на что?

— А как же тогда с овощами?

— Всё в порядке! — бодро сказал товарищ Фомичёв. — В этом году расширим цех, а в будущем — позаботимся об овощах.

«В будущем году» фабрике понадобился тарный цех. Снова стали в тупик фабричные деятели, и снова выручил директор.

— Эх, вы!.. — покачал он головой. — Овощехранилище на что?

— А овощи?

— Всё в порядке: в этом году будем здесь хранить тару, а в будущем — овощи...

После этих операций хранилище едва вмещает месячный запас картофеля для

одной столовой. Но и это ещё не потолок для созидательных дерзаний товарища Фомичёва. Теперь торговые работники думают о том, как бы сохранить хоть какие-то остатки овощехранилища.

Вообще, нужно сказать, что по части хранения овощей творческая мысль в Иванове бьёт ключом. На Большой Ивановской мануфактуре, например, придумали оригинальный способ хранения картошки: ей предстоит зимовать в котельной, где температура достигает 16 градусов тепла. Для котельной это хорошо, а для картошки плохо: она больше одного — двух градусов не выносит и начинает буйно расцветать.

— Ничего не поделаешь! — говорят руководители фабрик. — В этом году картошке придётся перезимовать в котельной, а в будущем...

По приказу министра директора фабрик обязаны строить новые овощехранилища. Но... приказы есть, а хранилищ нет.

В одном месте в Иванове, на Рабочей слободе, мы всё же обнаружили помещение, отвечающее всем условиям: и каменное, и в хорошем состоянии — совсем новое, и вместительное — на пятьсот тонн картофеля, и специально приспособленное. Принадлежит оно Ивановскому горпищеторгу.

— У вас хорошее овощехранилище, — говорим мы директору горпищеторга М. П. Лобачёву. — Довольны вы им?

— Дело в том, — смущаясь, отвечает то-

СТИХИ
В НАЗИДАНИЕ
О НЕКОТОРЫХ
ИЗДАНИЯХ

Поэт сочинил для детишек стишок,
Художник раскрасил обложку.
Поэт написал:

«Жил да был петушок»,—
С обложки...

прищурилась кошка.
Детишки листали странички подряд
И видели странные вещи:
Где сказано «печь»,

нарисован ухват,
Похожий вдобавок на клещи.
Где бабушка внучке косичку плетёт,
Пред бабушкой внук,

а не внучка,
А там, где поэт описал

хоровод,
Цветная стоит закорючка!
Детишки не в силах загадку понять,
Их лица суровы и хмуры...
Оно и понятно:

откуда им знать,
Что это зовётся

халтурой?

г. Киев.

варищ Лобачёв, — что наш новый склад...

— Позвольте! — перебиваем мы. — В чём дело? Мы вам — про хранилище, а вы нам — про какой-то склад.

— Это одно и то же: овощехранилище нам служит складом.

— Что же, у вас склада нет?

— Склад есть, но...

И товарищ Лобачёв рассказывает нам, что новый склад стоит обезглавленный: нет шифера для крыши. Приближается зима, а овощехранилище приходится занимать под склад; морковь здесь ютится рядом с мылом, папиросы — с капустой, а огурцы — с сахаром. Приятного в этом мало: соседство мяса и картошки уместно в тарелке, а не на складе.

— И что же дальше? — спросили мы.

— Как что? — вздохнул товарищ Лобачёв. — Если не достанем шифер, то в этом году у нас здесь будет склад, а в будущем...

Вообще неплохо, когда люди думают о будущем: без перспективы жить нельзя. Но когда разглагольствуют о будущем для того, чтобы оправдать недостатки в настоящем, это сулит неважную перспективу. На тактике бакалейщика «Сегодня — за деньги, а завтра — в долг» не проредись...

Я. ДЫМСКОЙ,

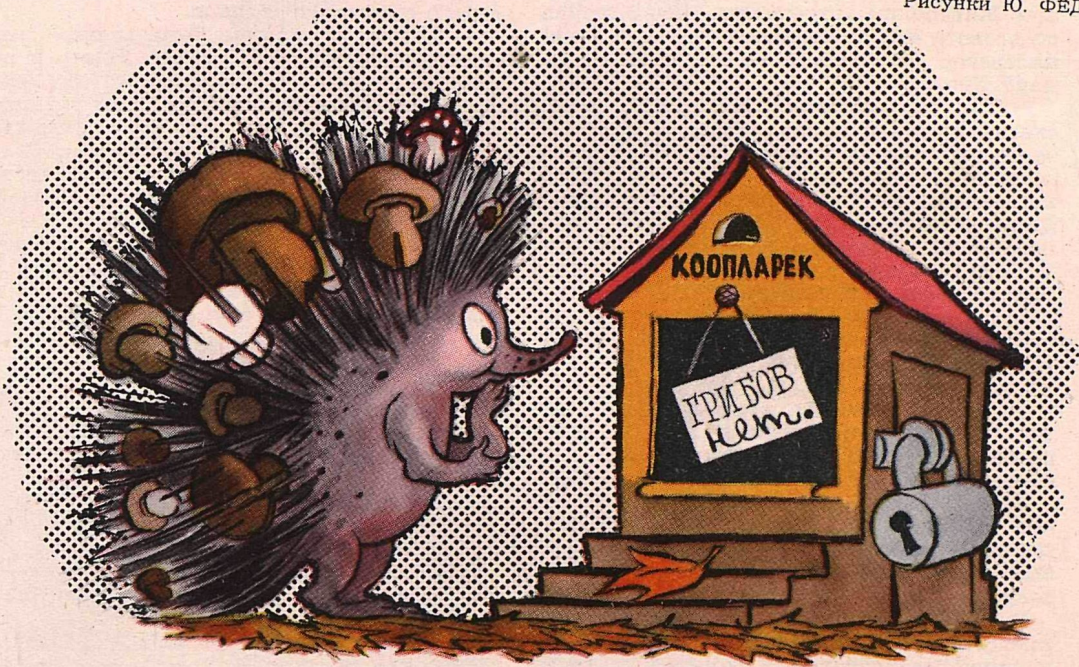
От редакции.

М. ПОЛЯНОВСКИЙ

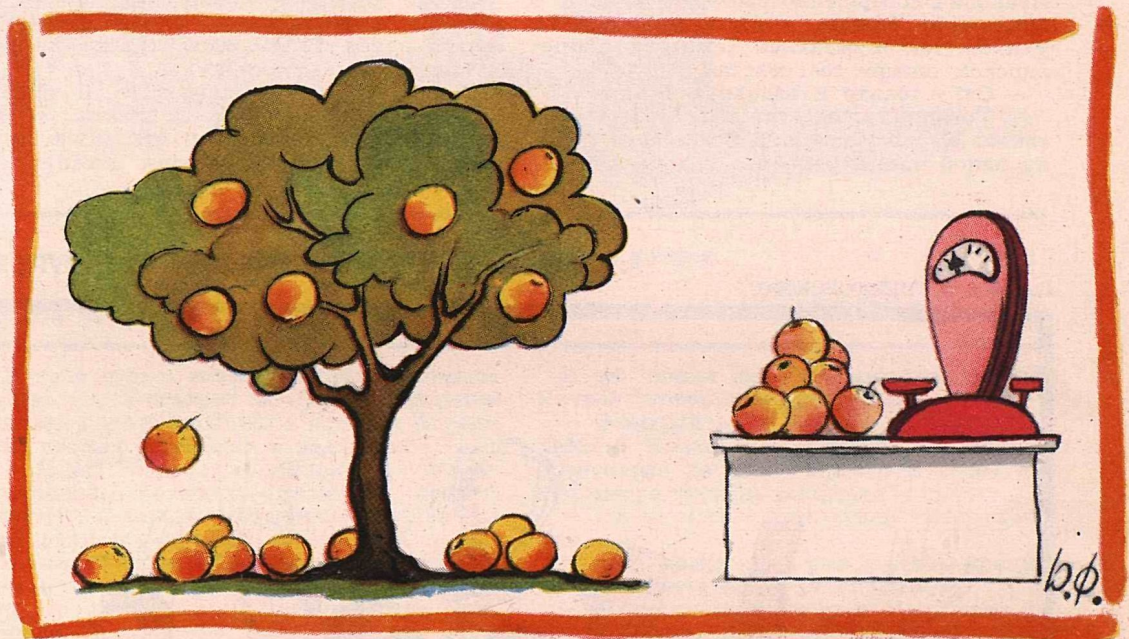
С удовлетворением отмечаем, что пока фельетон готовился к печати, нашёлся шифер для склада. Таким образом, одно из будущих овощехранилищ — горпищеторга — стало настоящим, чего Крокодил от души желает и остальным.

ОВОЩИ И ФРУКТЫ

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

ЁЖ:— Удивляюсь я этим заготовителям: даже грибов на зиму заготовить не могут...

Яблоко от яблони недалеко падает...

...а нужно, чтобы оно падало дальше — на прилавок.

— Быть бы нам первосортными сухофруктами, но завскладом подмочил нашу репутацию.

КАПУСТА:— Вы надеетесь на то, что у меня сорок одежек. Но учтите, что они все без застёжек.

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

На крохотной железнодорожной станции Жаворонки встретились председатель сельсовета Карпо Иванович Дрыль и администратор драматического коллектива Бернард Усиков.

— Так вы артисты? Так, так, — важно сказал Дрыль и поднял глаза к вековым тополям, стоящим у самых окон чистенького вокзальчика. — А чего вам в наше село не захватить? Клуб мы хороший отстроили. Движок купили, на сцену электричество подаём. И декорации есть красивые.

— А лимит? — огорчился Усиков. — Знаете, сколько спектакль стоит?

— Не страшно. Обеспечим. Народ у нас заможенный. Приезжайте! А постановки у вас идейные, хорошие? — с той же важностью спросил Дрыль.

— Как же! Имеется замечательная пьеса на сельскую тему. С критикой и самокритикой. Настоящая комедия. Будете довольны.

Уговор состоялся и тут же был закреплён официальным приглашением за подписью и печатью, благо на станцию прибыл секретарь сельсовета Аким Чернявый...

В субботу, в жаркий полдень, когда председатель Дрыль сидел в широкой прохладной сельсоветской комнате и обтирал платком шею, неожиданно на пороге появился встревоженный Усиков. Карпо Иванович совершенно забыл об уговоре с артистами. Афиши, которые ему вручил Усиков, так и остались лежать в канцелярском шкафу сельсовета.

— Ох! — только и вздохнул Дрыль.

— Товарищ председатель... Что же это такое? Карпо Иванович! Во всём селе нет ни одной нашей рекламы. Где же афиши?

Режете под корень!.. Как же я продам билеты? — суетился Усиков.

— Только без паники, будь ласка, — с некоторой обидой успокоил его Дрыль и посмотрел в окно. Стоял жаркий полдень. Рядом с общественным амбаром в новом семигектарном пруду завидно прохладжались утки и гуси. — Продадим твои билеты. До одного! Может, в других сельсоветах беспорядок, а тут я хозяин. Вызову сейчас людей и дам распоряжение.

Через час из хаты в хату шли доверенные лица Дрыля и именем председателя продавали билеты, как они говорили, на концерт столичных артистов. Одновременно расклеивались афиши, извещавшие, что будет показана комедия в пяти картинах «Не туда поехал».

Вечером клуб был полон.

Карпо Иванович и Чернявый сидели на почётно приставленных стульях. Щуплый Чернявый в пиджачке и очках по соседству с могучим Дрылем выглядел огурчиком, примостившимся рядом с большим арбузом.

За окном тарахтел клубный движок, горел электросвет. В зрительном зале было весело и шумно.

В десятом часу начался спектакль. Одним из персонажей пьесы «Не туда поехал» являлся председатель сельсовета Анисим Иванович Брыль. Это было несколько странное совпадение, и Карпо Иванович, услышав со сцены фамилию, очень похожую на свою, слегка качнул головой и кисло улыбнулся.

По ходу пьесы председатель Брыль пробирал заведующего сельмагом за то, что сельский кооператор отказался поздней ночью открыть магазин и отпустить

литр горилки, да ещё в кредит. Брыль разгневался и в ответ на такое непослушание приказал санитарной комиссии запечатать сельмаг якобы за нарушение правил санитарии и гигиены.

— Запечатать! Кто хозяин в селе? Я или завсельмаг? — громыхал со сцены Брыль.

В зале раздался дружный смех: точно так же поступил в прошлом году председатель сельсовета Дрыль. Смех усилился, когда зрители услышали знакомые слова: «Кто хозяин в селе?»

Дрыль побавровел, как осенний буряк, а Чернявый опустил голову. Карпо Иванович обернулся и строго призвал к порядку:

— Что за смешки?! Слушать надо, а не гоготать. Чтоб было тихо!..

Артисты удивлённо умолкли, но, оправившись, улыбнулись и продолжали спектакль.

Когда же на сцене санитарная комиссия во главе с членом сельсовета — местным фельдшером — наотрез отказалась выполнить указания Брыля, из зала послышался весёлый голос:

— Бачите, Брыль магазин не запечатал, а наш Дрыль так-таки запечатал. На целых четыре дня!..

Тут уж Карпо Иванович не выдержал. Он поднял руку и попросил артистов:

— Погодите, будь ласка... — и обратился в сторону зала: — А ну-ка, кто тут критику разводит? Прошу ясно высказаться. Федька, дай свет в залу. Я хочу побачить этого чересчур разумного оратора.

— То Левко Богайченко, сын лесника, — тихо шепнул Дрылю Чернявый. — В области на заводе работает.

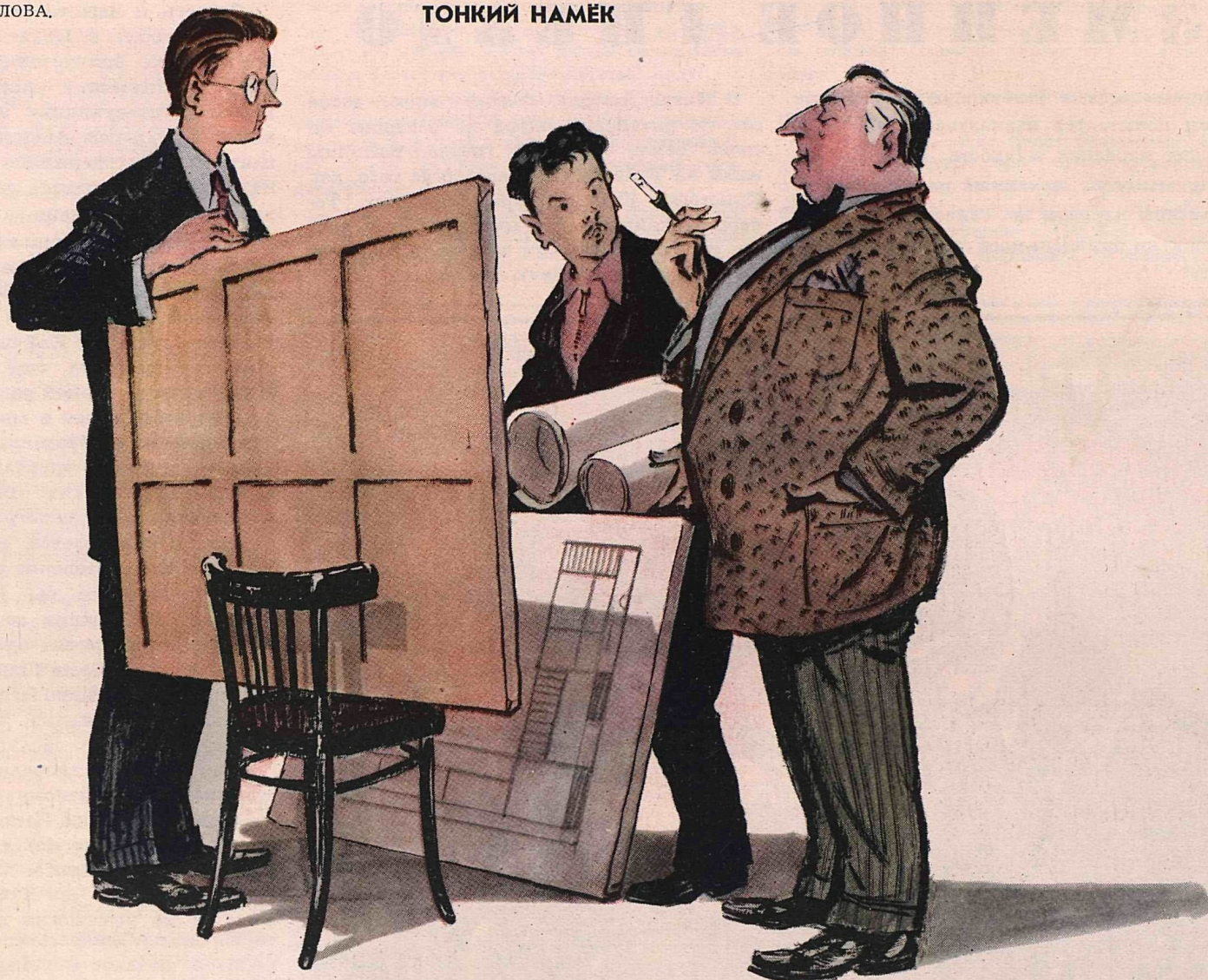
— Левко Богайченко, это ты замечания делаешь? — спросил Дрыль. — Так доложи товарищам артистам, если ты в курсе, за что запечатали у нас магазин. А запечатали за то, что завмаг содержал в одном

В КОМИТЕТЕ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Товарищи чемпионы, не все сразу!..

- Проект ваш неплох, только в конце не хватает маленькой детали.
- Какой же?
- Моей авторской подписи...

кутку керосин, карамель, макароны и мыло. Ясно?

— А-а... А потом мы сколько дней без керосину сидели? — отозвалась какая-то бабка. — И спички запечатали...

Из-за кулис выбежал администратор Усиков и, пугливо вращая глазами, наклонился к Дрылю.

— Карпо Иванович, давайте прения потом, в конце спектакля. Граждане, внимание! Прошу вопросы в письменном виде. Разберёмся! Продолжайте спектакль, — обратился Усиков к артистам.

Но Дрыль сделал хозяйский жест:

— А ты не скажи поперёд батька в пекло. Ты лучше объясни народу, какое ты имеешь право вставлять в свою комедию непроверенные факты... Тебе известно, за что комиссия запечатала магазин? Если ты в курсе, объясни людям.

Усиков выразительно поглядел на артистов и стал просить Дрыля:

— Карпо Иванович, поймите... Это же — художественное произведение, тут не о нашем селе вовсе разговор идёт... Мы ничего в комедию не вставляли. Не имеем права... Пьеса напечатана в типографии... Вот экземпляр...

— Артисты ни при чём, — снова шепнул Чернявый. — Не они пьесу печатали...

Карпо Иванович и сам был, как он выражается, в курсе жизни и отлично понимал: раз пьеса напечатана, — значит, артисты невиновны. Но, желая сохранить свой престиж, решил сбить Усикова с толку неожиданным вопросом:

— А фамилию зачем ты такую подобрал? Для подрыва? А? И мы в курсе, где надо вопрос поставить. Ишь, какой ловкий, взял и написал «Брыль», чтобы было похоже на «Дрыль»!

В зале стало тихо, и торжествующий Дрыль гордо оглядел зал. Но неожиданно с места поднялся коневод колхоза Борошной, старый сабельник и наездник.

— Имею вопрос по существу, — сказал Борошной. — Товарищ главный артист, скажите, в вашей постановке отмечен такой факт, что председельсовета взял в колхозе кровного жеребца Чардаша, поехал на нём в лес, чёрт его знает зачем, и опоил его, то есть, извиняюсь, попортил ему передние ноги?

— Есть такой факт! — отозвался с другого конца тот же Левко Богайченко. — Я эту пьесу уже видал. В ней сказано, что председатель возвращался на жеребце выпивши...

— Это, безусловно, факт, — подтвердил Борошной.

— И ночью заехал на колхозный двор не с той стороны. В общем не туда поехал. Словом, конь наскочил на борону и покалечил себе ноги...

— А какой масти жеребец был? — допытывался старый кавалерист.

— Гнедой, кажется... Кличка — Краковьяк, — припомнил Левко.

— Значит, вроде, не про наш колхоз написано, — успокоился Борошной и хотел было сесть на место.

Но в зале поднялся шум.

— Тихо! — приказал Дрыль. — Пусть мне товарищ Борошной скажет: ты видел, как я коня калечил? А?

— Извиняюсь, люди видали. Ты, Карпо Иванович, напоил горячего коня у того холодного родника, где солдаты нашего партизана Ковпака днёвку имели. Коня надо было поводить или дальше ехать, а ты... ты к леснику на вареники зашёл. Вот какое дело...

В это время за кулисами несчастный Усиков уговаривал артистов:

— Вымарайте, не играйте эпизод с жеребцом Краковьяком, иначе нам Дрыль транспорта не даст. Придётся сорок два километра пешком тащиться.

— Ни за что! — отстаивали пьесу артисты.

В зале между тем разгорелись прения. Дрыль окончательно рассердился.

— Федька, прекрати свет! Поскольку комедия показывается неправильно! — крикнул в окно Карпо Иванович.

Послушный Федька бросился к движку, но его перехватили комсомольцы:

— Не смей!

Припугнутый Федька прибавил оборотов — и в зале стало ещё светлей. Оскорблённый Дрыль направился к выходу, за ним нехотя поплёлся Чернявый. Пьеса пошла дальше своим ходом, и зрители ещё больше убедились, что Дрыль и Брыль удивительно похожи друг на друга.

— Правильная комедия, — слышалось из зала. — Брыля за такие дела враз сняли, а вот у нас Дрыль ещё командует.

...Артисты уже спокойно спали в гостеприимных хатах, а Дрыль и Чернявый обсуждали на берегу ночного сонного пруда события дня.

— Как это мы в комедию попали? — вздыхая, сетовал Дрыль. — И фамилию похожую подобрали... А?

— Эх, Карпо Иванович, Карпо Иванович!.. Жизнь теперь, сами знаете, какая. Все в курсе... Теперь по сёлам всякие корреспонденты и писатели разъезжают. Наверное, и у нас такой побывал. Приедет, посмотрит — и в комедию... Не надо было артистов приглашать.

Карпо Иванович только крякнул.

ЗМЕИНОЕ ГНЕЗДО

«Загони змею в бамбуковую трубку, она и там попытается извиваться», — учит китайская народная мудрость. И Чан Кай-ши извивается. Загнанный пять лет назад китайским народом на Тайвань, он время от времени приподнимает голову и зловеще шипит.

В Китае говорят: «Ударил змею, — добей её». И китайский народ не потерпит на своей земле змеиного гнезда. Китайцы жили на Тайване ещё задолго до того, как Христофор Колумб открыл Америку. Теперь чанкайшистская мошकारа готова вместе со своими душами запродать жёлтому дьяволу всю китайскую землю.

Рисунок Ю. ГАНФА.

По сообщению французской газеты «Юманите», американское командование намеревается заменить в армии США одежду цвета хаки обмундированием зелёного цвета.

— Говорят: новая форма! А что тут нового? Только и всего: вместо «SS» — «US».

«Страсть и нажива делают сердце чёрным», — говорят в Китае. Чан Кай-ши и его супруга, причисленные в Америке к лику политических святых, нажили на кровавых спекуляциях миллионы американских долларов. Американскому налогоплательщику содержание гоминдановских нахлебников обходится сейчас около миллиона долларов в день.

По признанию журнала «Репортер», деньги — «самый важный и чарующий из многих очаровательных персонажей» гоминдановской трагикомедии. По собственному свидетельству Чан Кай-ши, свои «добродетели» он приобрёл ещё в младенчестве. В результате упорной работы над собой он стал неразборчивым в средствах, «невежественным и необузданным», «сумасбродным», «упрямым», «драчливым» и «не раз был бит в жестоких схватках». Все эти красноречивые автобиографические штрихи имеют, оказывается, своё обоснование. Чан Кай-ши откровенно признаёт: «Я никогда не преуспел бы в своих начинаниях... без протекции со стороны Ин-ши (кличка руководителя одной из гангстерских групп в старом Шанхае. — Н. З.). То, что при моей бездарности я достиг своего нынешнего положения, от начала и до конца является его заслугой».

И вот теперь генералиссимус от гангстеризма, по образному определению китайского профессора Чэнь Бо-да, во что бы то ни стало хочет надеть на себя саван китайского президента, дабы покрасоваться в нём в гробу. Чан Кай-ши уверяет, что если он не уничтожит народный Китай, то не сможет умереть спокойно. И он торопится, подхлёстываемый своим американским содержателем.

Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» пишет: «Чан Кай-ши воюет на протяжении жизни целого поколения и вряд ли захочет провести остаток своей жизни в мрачном доме в стиле эпохи королевы Виктории и смотреть через море на Китай». По мнению корреспондента, Чан Кай-ши вместо того, чтобы сидеть и ждать, предпримет ещё одну попытку вернуться на материк с одобрения Америки. Херстовская печать видит, например, в усиленном циркулировании американских высших военных чинов между Тайванем и Вашингтоном явное предвестие активных «военных операций против китайского материка».

В последние дни марионетка на Тайване показывает такую степень самого отчаянного остервенения, что даже буржуазные газеты не сразу могут подобрать подходящий художественный образ, чтобы создать представление о демонической злобе и агрессивности, которые бушуют Чан Кай-ши. Одни говорят, что США, наконец, решили «выпустить Чан Кай-ши из политической клетки». По ещё более фигуральному и динамическому определению других, американцы готовы «спустить Чан Кай-ши с цепи». Но если уж изъясняться образами, то псарь может не сомневаться в результатах травли. Китайский народ последует мудрости той поговорки, которая учит рубить бешеной собаке хвост по самые уши.

Н. ЗЕМСКОВ

ЖИВОЙ ТРУП

Буржуазная печать Канады призывает народ не говорить о безработице.

Спустя неделю после того, как Фред Уорп был уволен с работы, он отправился на биржу безработных. Войдя в помещение, он обратился к уважаемому чиновнику, принимавшему посетителей.

— Это и есть биржа безработных? — спросил Фред.

— Нет, — улыбнулся чиновник, — это биржа работающих. А что вы желаете?

— У меня нет работы, — сказал Фред. — Я...

— Вы хотите, очевидно, сказать, что вы уже взяли расчёт в одном месте, но ещё не получили работы в другом? — ядовито заметил чиновник.

— Да-а, — неуверенно протянул Фред.

Записав фамилию Фреда, чиновник спросил:

— Мистер Уорп, вам впервые предоставили возможность получить другую работу?

— Что вы сказали? — удивился Фред.

— Вы где-либо имели постоянную работу в течение длительного времени?

— Конечно. С 1941 года я работал дворником на рынке. А сейчас вся грязь там высохла, и я стал не нужен.

Чиновник поставил печать на какой-то бланк и вручил его Фреду.

— Подойдите к 105-й комнате и подождите там немного. Вас примет инспектор по делам замалчивания.

Через несколько часов солидный мужчина пригласил Фреда в комнату и предложил ему сесть. Он взял у Уорпа бланк и, изобразив на лице искусственную улыбку, начал:

— Ну-с, что вас беспокоит, мистер Уорп?

— Меня уволили с работы, — сказал Фред.

На этот раз вполне естественная судорога перекосила лицо инспектора:

— Прошу вас быть аккуратным в выборе слов, мистер Уорп. Я уверен: вы хотели сказать, что вас освободили от нежелательной работы?

— Нежелательной? — переспросил Фред.

— Ну да! Ведь для такого почтенного джентльмена, как вы, вряд ли имеет смысл тратить свои силы на чистку грязи!

Фред был страшно поражён.

— Всю свою жизнь я счищаю грязь, — неуверенно сказал он. — А сейчас я безработный.

Инспектор вскочил на ноги и грохнул жирной ладонью по столу.

— Вы не должны употреблять это слово! — крикнул он. Затем, несколько успокоившись, сел и продолжал: — Такие разговоры, Уорп, могут подорвать нашу экономику. Мы надеемся, что вы будете держать язык за зубами.

— Держать язык за зубами, имея пятерых детей...

— Ничего, всё уладится, милейший мистер Уорп. Рано или поздно на рынке появится грязь. А пока мы ничего не можем вам предложить. Самое главное — это чтобы вы не болтались где попало и не рассказывали людям, что вы безработный.

— Да, но что же мне им говорить?

— Можно подобрать несколько замен для слова «безработный».

Инспектор протянул Фреду отпечатанный текст:

— Вот список таких слов. Для человека вашего возраста мы предлагаем «досрочную отставку». В этом случае вы можете говорить, что ваш богатый дядюшка умер и оставил вам солидное наследство.

Фред отрицательно покачал головой:

— Этот вариант мне не особенно нравится. Что-то уж у очень многих людей сразу после выхода в отставку умирает богатый дядя!

— А как насчёт «счастливого бродяги»? — настаивал инспектор. — Мы снабдим вас специальной одеждой и выдадим бесплатный билет на все грузовые поезда канадских государственных железных дорог.

— Мм... Видите ли, я не из тех, которые любят путешествовать, — сказал Фред. — Я большой домосед.

— Вот и великолепно! — воскликнул инспектор. — В таком случае вам как нельзя лучше подойдёт замена номер три — «живой труп»!

— «Живой труп»? — испуганно пролепетал Фред.

— Ну да! Вам надо будет безвыходно сидеть дома, мистер Уорп, только и всего, — сказал инспектор, провожая Фреда к дверям. — А если у нас подвернётся что-нибудь для вас, мы вам позвоним. Гуд бай!

Перевод с английского.

В соответствии с законом, недавно принятым турецким меджлисом, американцам в Турции предоставлено право экстерриториальности.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

— Почему его все обходят?
— А он широко пользуется правом экстерриториальности.

Недавно верховное командование американских газетных вралей, обеспокоенное улучшением торговых отношений между Востоком и Западом, решило предпринять манёвр в европейских водах, омывающих советские берега, а именно — в Финском заливе.

Для этой «боевой» операции был сконструирован «советский» крейсер «Иван», получивший приказ напасть на голландское торговое судно «Дора». Приказ был успешно выполнен: «Иван» напал на «Дору», что тотчас же зафиксировало американское агентство Юнайтед Пресс:

«Голландское судно «Дора» водоизмещением в 400 тонн, как сообщает его капитан, в понедельник было обстреляно в Финском заливе советским крейсером «Иван». «Дора» немедленно застопорила машины. Через некоторое время торговое судно решило продолжать свой путь. Однако в ответ

было выпущено несколько снарядов, которые легли впереди «Доры» прямо по курсу».

Не успели газеты так называемого «свободного мира» ухватиться за эту жирную американскую утку, как она упала, сражённая капитаном голландского судна «Дора» Пейком. Находясь в шотландском порту Бергхэд, Пейк на вопрос западногерманской газеты «Франкфуртер нейе прессе» о сенсационном сообщении Юнайтед Пресс ответил: «Это неправда».

Так состоялась очередная посадка американских вралей в лужу. Однако едва ли это их обескуражит. Таково уж призвание американских пропагандистов: мутить чистую воду и ставить дымовую завесу над собственным пиратством, например, где-нибудь у китайских берегов.

Д. УМАНСКИЙ

ПРОЖЕКТЫ АДМИРАЛА БЭРДА

Что нужно для спасения капитализма от кризисов? На этот вопрос многие буржуазные социологи отвечали по-разному. Одни предлагали немедленно начать войну, другие — заменить рабочих роботами или человекообразными обезьянами. Самый разумный и верный способ предложил отставной контр-адмирал Бэрд. Он не бесплодный мечтатель, этот Бэрд. Он человек практического ума, активного действия. Он не утруждает себя разрешением мелких, второстепенных проблем вроде увеличения масштабов общественных работ или стабилизации жизненного уровня американского народа. Стоит ли заниматься подобными пустяками?

В своей статье, опубликованной в «Америкэн уикли», Бэрд сразу берёт быка за рога. Оказывается, Антарктика могла бы стать «огромным постоянным складом» для «излишков» американских скоропортящихся продуктов. Именно сюда и надо отправить на хранение все излишки продуктов. И всё в порядке. Перепроизводства как не бывало.

Вот она, гениальная простота!

Конечно, можно было бы построить огромный холодильник где-нибудь и в США. Но это потребовало бы немалых затрат. И главное, охрана такого холодильника была бы делом весьма нелёгким. Ещё бы! Представьте себе, что к нему со всех концов страны двинулись бы толпы голодающих безработных с семьями.

Преимущества плана Бэрда очевидны: колоссальный естественный холодильник, никаких издержек, никакой нужды в охране, ибо охранять не от кого — разве что от пингвинов или моржей.

Развив этот тезис, Бэрд вдруг забеспокоился: может быть, не стоит превращать Антарктику в холодильник? Не лучше ли превратить её во вторую пустыню Сахару? И вот готов новый проект: растопить льды атомной энергией и добывать из недр Антарктиды миллиардные залежи золота и урана. А все расходы, связанные с этим, охотно возместят налогоплательщики.

Спасёт ли Бэрд капитализм — можно только гадать. Не подлежит сомнению лишь одно: покупательная способность самого Бэрда явно повысится от гонораров за всю эту чепуху.

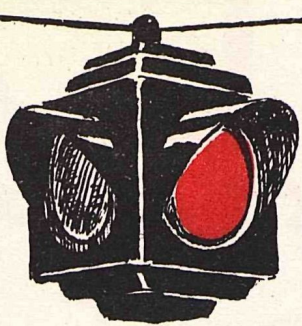
О. БЕНЮХ

Рисунок художника МИ ГУ (Китайская Народная Республика), выполненный специально для «Крокодила».

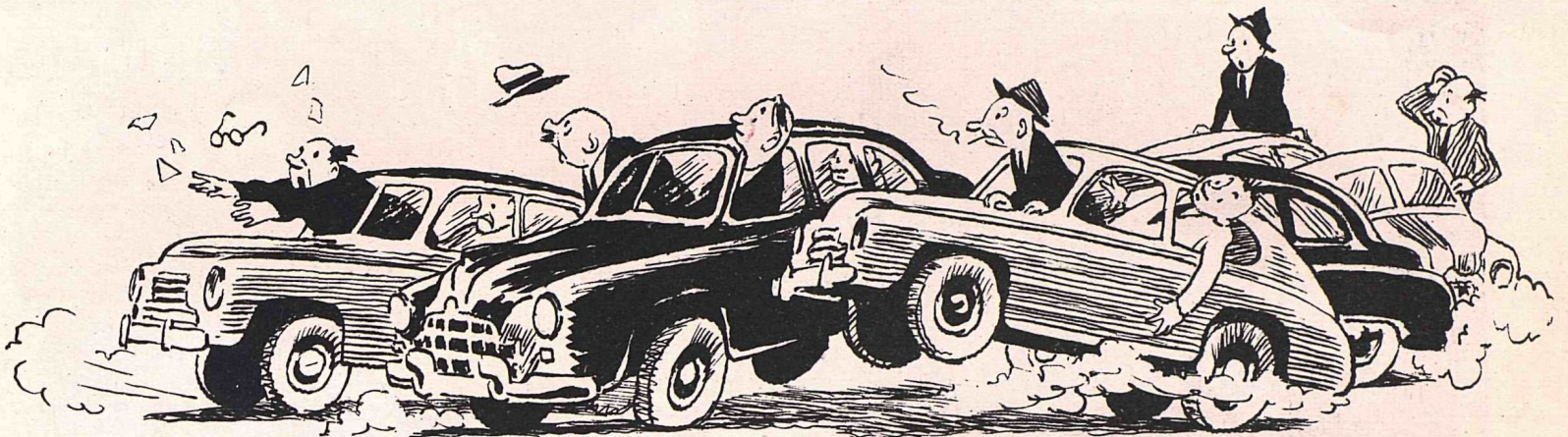

1954/9 卷

МУСОРЩИК.

СТОП! КРАСНЫЙ СВЕТ!

Общее собрание членов сельскохозяйственной артели имени Кирова проходило примерно так. Слово взял председатель колхоза тов. Коцкий.

— Товарищи колхозники, — торжественно начал он, — мы должны решить вопрос о покупке автомашины. Вы же понимаете, что автомашина — надёжный помощник во всех наших делах.

— Правильно! — крикнул кто-то из колхозников. — Будем возить овощи на рынок в собственном грузовике! И обсуждать нечего — ставь на голосование!

— Одну минуточку! — Тов. Коцкий властно поднял руку, но на лице его в эту минуту отразилась явная растерянность. — Не будем забегать вперёд — вопрос стоит шире и глубже. Что является сейчас наивысшим достижением нашей автомобильной промышленности? Отвечаю: легковая автомашина марки «ЗИМ». Поглядишь на неё — вся сияет. Шесть человек размещаются в ней вполне свободно. На фирменной марке изображён олень. Не случайно, товарищи, он там изображён — потому скорость у машины, будьте уверены!

— Это правильно, — прозвучал недоверчивый голос, — а только как он, этот олень, будет прыгать на наших дорогах? Нам бы лучше не оленя, а, скажем, зубра, что изображён на минском грузовике.

Собрание одобрительно загудело. Тов. Коцкий застучал карандашом по столу.

— Неправильная постановка вопроса! Неправильная! Колхоз имени Леси Украинки купил легковую машину марки «ЗИМ». О чём это говорят? Что люди глядят вперёд! Может статься, через год всякие другие автомашины будут списаны как устаревшие, вроде той нашей лобогрейки. Факт!

— С лобогрейкой действительно было дело, а только как же с овощами получится? Будем возить их на олене? — не унимался всё тот же недоверчивый голос, но на этот раз он поддержки собрания не получил, и тов. Коцкий уловил это своим опытным председательским ухом.

— Ставлю вопрос на голосование! — крикнул он. — Кто за? И собрание проголосовало за покупку оленя, то бишь легковой автомашины «ЗИМ».

Ещё не улегся гул, возникший во время голосования, как тов. Коцкий потребовал тишины и сказал:

— А с другой стороны, товарищи дорогие, если поглядеть на этот вопрос, так сказать, в разрезе практики жизни, то надо прямо сказать, что этот самый олень на наших дорогах ноги поломаёт совершенно запросто. И загружать этого оленя овощами опять же не с руки. Овощ, он грузовик любит. Это факт!

Собрание оторопело, с удивлением слушая речь своего председателя.

— И в этом разрезе я хочу доложить вам следующий факт. У нас есть шефы — львовская контора Главрыбторга. Идя нам навстречу, данная контора предлагает нам выгодное полюбовное соглашение: мы им продаём этого самого оленя, а взамен получаем от них автомашину — фургон марки «Москвич» — это раз. Мощную грузовую машину «ЗИС-151» — это два. И сверх того пять тонн жмыха для кормления нашей колхозной рыбы.

Предложение шефов было столь явно выгодным, что собрание немедленно приняло второе решение, в силу которого шикарный «ЗИМ», не доехав до колхоза, свернул на львовскую площадь имени Данилы Галицкого и остановился у подъезда конторы Главрыбторга...

Когда управляющий конторой тов. Шурыгин вышел на улицу и увидел сверкающий на солнце «ЗИМ», у него дух захватило от гордости и уважения к самому себе. Усевшись на пружинное сиденье, он долго придумывал, куда бы ему поехать, и наконец небрежно бросил шофёру:

— Вперёд!..

Но уехал он недалеко. Его остановил приказ республиканского начальства. Из Киева предложили безотлагательно переправить «ЗИМ» в распоряжение управляющего украинской конторы Главрыбторга тов. Колосова. Машина попросту снималась с баланса львовской конторы. Словно её вовсе и не было.

В общем тов. Шурыгин пережил приблизительно то же, что и колхозники из артели имени Кирова, — машина вроде и куплена и вроде её нет. С одной стороны, переживания тов. Шурыгина были более острыми, поскольку он-то машину видел собственными глазами. И не только видел, но и целый день на ней ездил. А колхозники даже гудка её не слышали. Но, с другой стороны, не лишены остроты и переживания колхозников, поскольку они как будто купили три машины, а ни одной из них так и не увидели. Даже обещанных пяти тонн жмыха для рыбы, и тех не оказалось.

Когда у тов. Шурыгина стали отбирать машину, он попробовал возражать, связался с Киевом и под свежим впечатлением от пружинных подушек «ЗИМа» очень убедительно стал доказывать, что львовская контора остро нуждается именно в этой машине. Но его убедительность мгновенно увяла, когда Киев разъяснил ему, что злополучный «ЗИМ» предназначен не кому-то там, а московскому начальству из Главрыбторга Министерства торговли СССР. И тут уж тов. Шурыгин мгновенно капитулировал. И даже чувство обиды у него притихло...

Во Львовской области антигосударственная практика перекупки легковых автомашин, предназначенных колхозам для стимулирования их успехов, приняла довольно массовый масштаб.

Управляющий львовским Сахаротрестом тов. Малецкий разъезжает на «ЗИМе», на том самом «ЗИМе» из колхоза имени Леси Украинки, про который восторженно писала львовская газета. Поскольку автомашина — предмет неодушевлённый и писем в газету не пишет, дальнейшая судьба колхозного «ЗИМа» отражения в печати не получила.

Как ни в чём не бывало, ездит на колхозной «Победе» председатель Городокского райисполкома тов. Рашевский. Ездит на такой же «Победе» председатель Брюховического райисполкома тов. Караван. Радость колхозной «Победы» вкушает и председатель Пустомытовского райисполкома тов. Будник. Его радость тем более глубока, что он ухитрился перекупить у колхоза машину... в долг.

Колхозный «ЗИМ» добросовестно служит и члену бюро Львовского обкома партии товарищу Шевченко. Надо заметить, что перекупка этой машины у колхоза имени 31-й годовщины Октября проходила не так гладко, как, скажем, в колхозе имени Кирова. Против этой незаконной операции возражали колхозный бухгалтер, директор районной конторы Госбанка и председатель Винниковского райисполкома. Но их возражения не были достаточно смелыми и принципиальными. Они были устранены с помощью всего одной только фразы: «Это разрешено председателем облисполкома». И «ЗИМ» в колхозе как не бывало! Впрочем, его там и действительно не было.

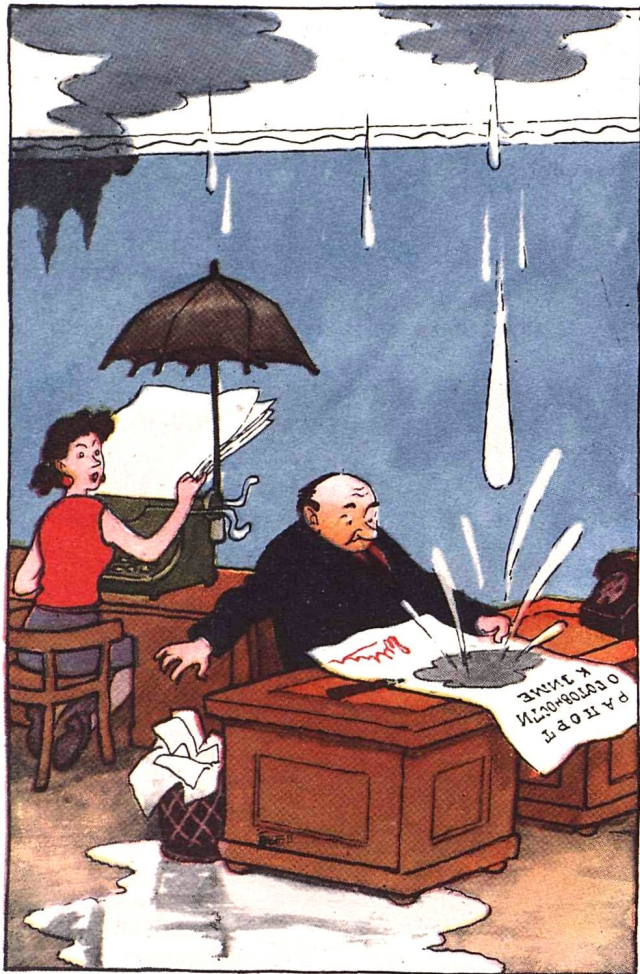
На пути всех этих перекупщиков могли бы встать руководители иных контрольно-финансовых и административных организаций Львова. Например, заведующий облфинотделом тов. Еременко или, скажем, начальник львовской городской автоинспекции тов. Решняк. Но как они могут встать на пути нарушителей государственной дисциплины, если сами ездят на перекупленных у колхозов машинах? Трудно им это сделать. Очень трудно. Даже невозможно.

Попробуем сделать это мы:

— Стоп, товарищи перекупщики! Красный свет! Вы нарушили правила, установленные государством! Безнаказанно этого делать нельзя! Предъявите документы на ваши автомашины!

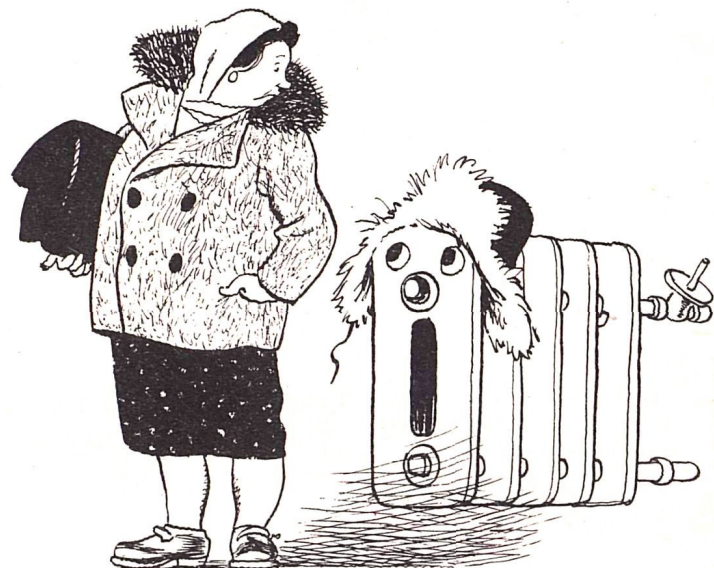
В. АРДАМАТСКИЙ,
М. ОДИНЕЦ

г. Львов.

— Отпечатайте другой экземпляр рапорта о готовности к зиме: этот испорчен!

Снег пошел

— Неужели, товарищ управдом, мне из-за вас опять мёрзнуть придётся?

Наконец-то миновали тёплые месяцы, и я могу плотно закрыть окно!..

Иные радуются лету, живут с постоянно распахнутыми окнами. А я вот не могу. Дело в том, что моя квартира находится по соседству с гостиницей в тихом городке Задонске... Нет, нет! Это я по привычке обмолвился «в тихом».

Против самых окон гостиницы и в нескольких метрах от моей квартиры поставили высокий столб, а на столбе укрепили алюминиевый колокол, который оказался репродуктором страшной силы.

У меня, как и у всех жителей Задонска, есть прекрасный динамик с регулятором. Есть радиорепродукторы и в каждом номере гостиницы. Но кто-то из отвечающих за охват населения звуковой волной позаботился о нас дополнительно. И вот с рассвета до полуночи над городом гремят громовые раскаты, а моя квартира даже вся сотрясается от них.

В гостинице возникают скандалы: люди не хотят селиться в номерах, окна которых выходят на улицу, или помучаются там одну ночь, а потом идут к администратору с просьбой:

— Переведите меня в номер по ту сторону коридора!

Но постояльцы гостиницы в более выгодном положении, чем я: они могут хоть немного удалиться от радиогрома, а я не могу. Терпел, терпел я и не вытерпел: взял отпуск и уехал к тётке в Саратов.

В купе нас было двое: я и худощавый железнодорожник. Поговорили немного и улеглись спать. Но тут я почувствовал, что мне не уснуть: в коридоре, как раз против нашего купе, гремело радио.

Я встал, тихонько вышел, стараясь стуком двери не разбудить соседа, который уже похрапывал, и выключил громкоговоритель. Но тут же из купе высунулась длинная фигура проводника. Окинув сердитым взглядом стоящих у окна, он протянул руку к регулятору:

— Кто выключил?!

Так и не удалось мне уснуть до самого Саратова.

...Квартира тётки уютная, расположенная неподалёку от зелёного массива, именуемого Липками, показалась мне раем. Был четвёртый час утра.

— Ах, Вася, как ты похорошел! — воскликнула моя родственница. — Вижу, устал. Ложись отдохни с дороги, а днём поговорим обо всём.

Я лёг в постель и, вкушая дивный аромат, который вливался из парка в открытое окно, быстро уснул. Но неожиданно надо мной что-то

НИ СНА, НИ ОТДЫХА...

захрипело, затрещало. Потом раздалась громкие, тягучие звуки.

Что случилось? Где я?

И только когда отчётливый голос прозвучал: «Передаём урок гимнастики», — я понял всё.

Город ещё спал. Улица была пуста. По широкой дороге через сквер направлялся одинокий пешеход-старичок. А голос диктора, во сто крат усиленный металлом, издевательски командовал:

— Левую ногу под-ня-а-ать!.. Опу-сти-ить!

Словом, у тётки я не отдохнул и через неделю собрался отплыть на пароходе по Волге. Вот, думаю, где отдохну вволю! Проплыву через Волго-Донской канал до Ростова, а оттуда — вверх по Дону до Лисок. Какое это будет увлекательное путешествие!

Весь день я просидел на передней палубе комфортабельного теплохода, любясь видами. К вечеру решил прилечь. Только что уснул, как на палубе, за окном моей каюты, раздался страшный крик:

— Горит! Горит! Горит!

Отодвигаю деревянные жалюзи, вижу, по палубе прыгают какие-то тревожные тени. Схватываю чемоданчик свой — и шашь через окно, а меня кто-то хватя сзади.

— Вы что, — спрашивает, — товарищ?

— Как, — говорю, — что? Горит!

Тут по палубе покати́лся смех. Оказывается, никто не поднимал тревоги. Это загремел мощный репродуктор-колокол, повешенный вблизи моей каюты. Чистый баритон, а может, даже тенор, искажённый металлом до хриплого баса, повторял:

«Фонарик мой, мой верный друг,
Гори! Гори! Гори!»

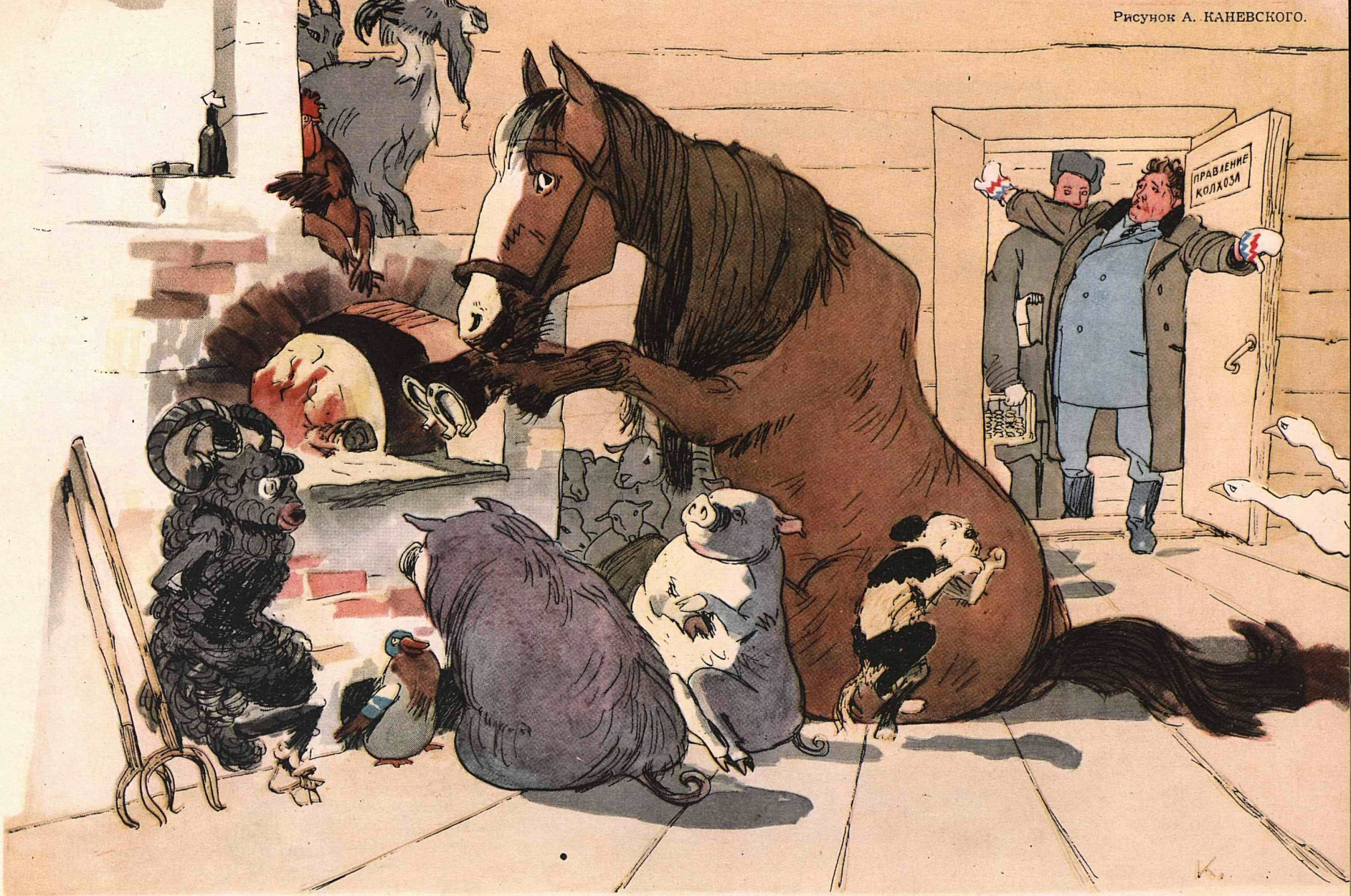
...До Ростова я доплыл благополучно, а оттуда вылетел в Воронеж самолётом и так-то славно подремал в мягком кресле часа два. Отсюда автобусом в Задонск.

И вот радуюсь, что наступило похолодание и можно плотно закрыть окно. Впрочем, даже заклеенное окно не помогает: я слышу приглушённые звуки, которыми сотрясает мою квартиру этот никогда не выключающийся радиолокол-истязатель.

Я люблю радио. Я с удовольствием слушаю симфонии, песни, выступления артистов, докладчиков. Но... я прошу только одного: не радифицировать меня столь яростно, до бесчувствия!..

г. Воронеж.

Г. ВОРОБЬЁВ

— Кто вас сюда загнал?
— Мороз!

ВЕЧНЫЙ СТУДЕНТ

Недавно в Ленинграде обнаружен безработный. Местные органы, которые захотят предоставить ему работу, окажутся в затруднительном положении. Свой точный адрес безработный предусмотрительно скрывает. Правда, при особом усердии разыскать его всё же можно. Писать надо так: Ленинград, 41, до востребования, Васильеву Константину Васильевичу.

Но предоставить ему работу вряд ли кто-нибудь сумеет. Не то чтобы он не имел специальности или был стар и немощен. Напротив, пребывает он в самом цветущем, тридцатилетнем возрасте, а в боковом кармане хранит дипломы об окончании трёх факультетов: исторического, юридического и библиографического. Работы для такого человека хоть отбавляй. Осложнение лишь в том, что адресат работы не берёт. В нём борются три специалиста. Когда предлагают работу историку, протестуют библиограф и юрист:

«Извините, в историю вы нас не впутываете. История не наша стезя...»

Стоит подыскать работу юристу, на дыбы встают историк и библиограф:

«Это что же получается? Он будет работать, а мы смотрим!.. А кто будет защищать наши интересы?»

Когда же пытаются определить на службу библиографа, это встречает такой отпор со стороны историка и юриста, что становится ясно: лучше с ними не связываться.

Однако настойчивые ленинградцы всё же решили пристроить Васильева к делу. Вместе с дипломом об окончании треть-

его института ему была вручена путёвка Министерства культуры РСФСР в Новосибирск.

Эта путёвка вторглась в жизнь уже молодого студента, беззастенчиво нарушив её привычный уклад. Кончалось спокойное существование в общечитии, приходил конец приятному посещению лекций и, главное, ежемесячной стипендии.

Работники Новосибирского областного отдела культуры, получив сообщение о том, что к ним едет библиограф, стали с нетерпением ждать его появления. Но прошли все поезда: и скорые, и пассажирские, и почтовые, — а библиограф не показывался. Обеспокоенные новосибирцы решили узнать, не случилось ли чего-нибудь с драгоценным здоровьем библиографа. И осмелились побеспокоить его просьбой прибыть к месту работы.

В Новосибирск полетели письма, телеграммы и даже фототелеграммы:

«Должность библиотекаря в областной библиотеке я не просил и не прошу т. к. это не моей специальности. Я согласен работать в качестве библиографа или преподавателя библиографии, истории... Если у вас нет свободной должности библиографа, то прошу об этом сообщить: я не хочу остаться без работы...»

Этот крик души, оскорблённой малыми масштабами работы, был принят за чистую монету. А на самом деле библиограф хитрил. Все его помыслы были направлены именно на то, чтобы остаться в Ленинграде. Не поняв этого, новосибирцы прислали ему телеграфный вызов. Посовещав-

шись между собой, юрист, историк и библиограф пришли к заключению, что всё идёт как нельзя лучше.

«Нервничают? Этого только и нужно! Откажутся, как пить дать, откажутся! На кой чёрт им такой несимпатичный работник?..»

И, мобилизовав весь свой юмор и сарказм, учёный муж ударил по оппонентам сперва жалобой, а потом фототелеграммой:

«Соглашусь работать только в библиографическом или методическом отделе и преподавателем с предоставлением квартиры, а поэтому не чудите, а передавайте дело в суд... Раньше я был о вас лучшего мнения, считал сообразительнее...»

В Новосибирске подумали-подумали и решили:

— Ну, действительно, и работничек! Возни с ним не оберёшься, а пользы от него ни на грош.

И пребывав Васильев в Ленинграде. Бродил он по широким проспектам, изучая вывески высших учебных заведений, в рассуждении: как бы ещё лет на пять одолжиться у государства стипендией?

Но только долг платёжом красен. Как юрист, Васильев обязан знать, что долги следует погашать полностью и в срок. Как историк, он решил воскресить неприглядную фигуру прошлого — стать «вечным студентом». Но как библиографу ему должна быть известна старая поговорка, которая гласит: «Ничто не вечно под луной». Это относится и к студенческой стипендии.

Н. ДАВЫДОВ, В. ПУХНАЧЕВ

ВИЛЫ В БОК

ОБИДЧИВАЯ НАТУРА

Обидчивые натуры очень чувствительны и долго носят в себе яд обиды. Облегчение и затем полное исцеление обиженный получает только тогда, когда подвернётся случай расквитаться с обидчиком. Нужно быть очень осмотрительным, чтобы вдруг не нажить себе врага. Тем более, что сплошь и рядом не придумаешь, когда и по какому поводу чувствительный человек на тебя обидится.

Вот, например, Андрей Белобокий — молодой работник дома отдыха «Рось», Волковыского района, Гродненской области, — по случаю женитьбы созвал родных, друзей и устроил семейный праздник. Свадьба прошла весело: пели песни, танцевали, поздравляли молодых. Но никому не пришло в голову, что молодожёны, едва-едва вступая в семейную жизнь, уже допустили грубую оплошность, а может, даже роковую ошибку. Можете себе представить: к свадебному столу не пригласили Кухареву! Правда, невесте и жениху она не доводится ни родней, ни подругой, но ведь тов. Кухарева — секретарь месткома! И её обошли! Разве это не обида? Легко ли пережить такую травму?

И мучилась бы Кухарева до сего времени, если бы Андрей Белобокий вскоре после свадьбы не пришёл в местком с заявлением. Молодожёны решили обзавестись индивидуальным огородом, как и все семейные служащие колхоза, и просили отвести им несколько соток земли.

И вот теперь, держа в руках заявление обидчиков, Кухарева почувствовала волнующий трепет: настал час расплаты. Переживая сладостные минуты возмездия, она медленно и чётко вывела на заявлении резолюцию:

«Тов. Белобокий, на свадьбу не пригласил. Выпить не дал, свидетельство о браке не показал. Участком не наделяем.

Секретарь МК Кухарева».

Молодожёны остались без огорода. Ну и то сказать: наперёд знаете, кого приглашать на свадьбу!

Да и коллективу работников дома отдыха тоже урок: наперёд знаете, кого выбираете в местком!

Ник. ХАРЬКОВ

ВСЁ В ТОЙ ЖЕ ПОЗИЦИИ...

В январе 1952 года на специальном заседании у директора кирпичного завода № 1 было шумно.

— Товарищи, — начал директор, — к нам прибыл экскаватор! Конечно, наиболее лёгким решением было бы просто вывезти его со станции. Но мы не должны идти по проторённым дорожкам. Надо искать, товарищи! Надо что-то предпринять!

Собравшиеся разошлись в глубокой задумчивости... В поисках решения прошло около года. Неоднократные требования работников станции Киров Горьковской железной дороги вывезти экскаватор не давали покоя дирекции.

— Может, пока перетащим по частям? А?.. — подал мысль завхоз.

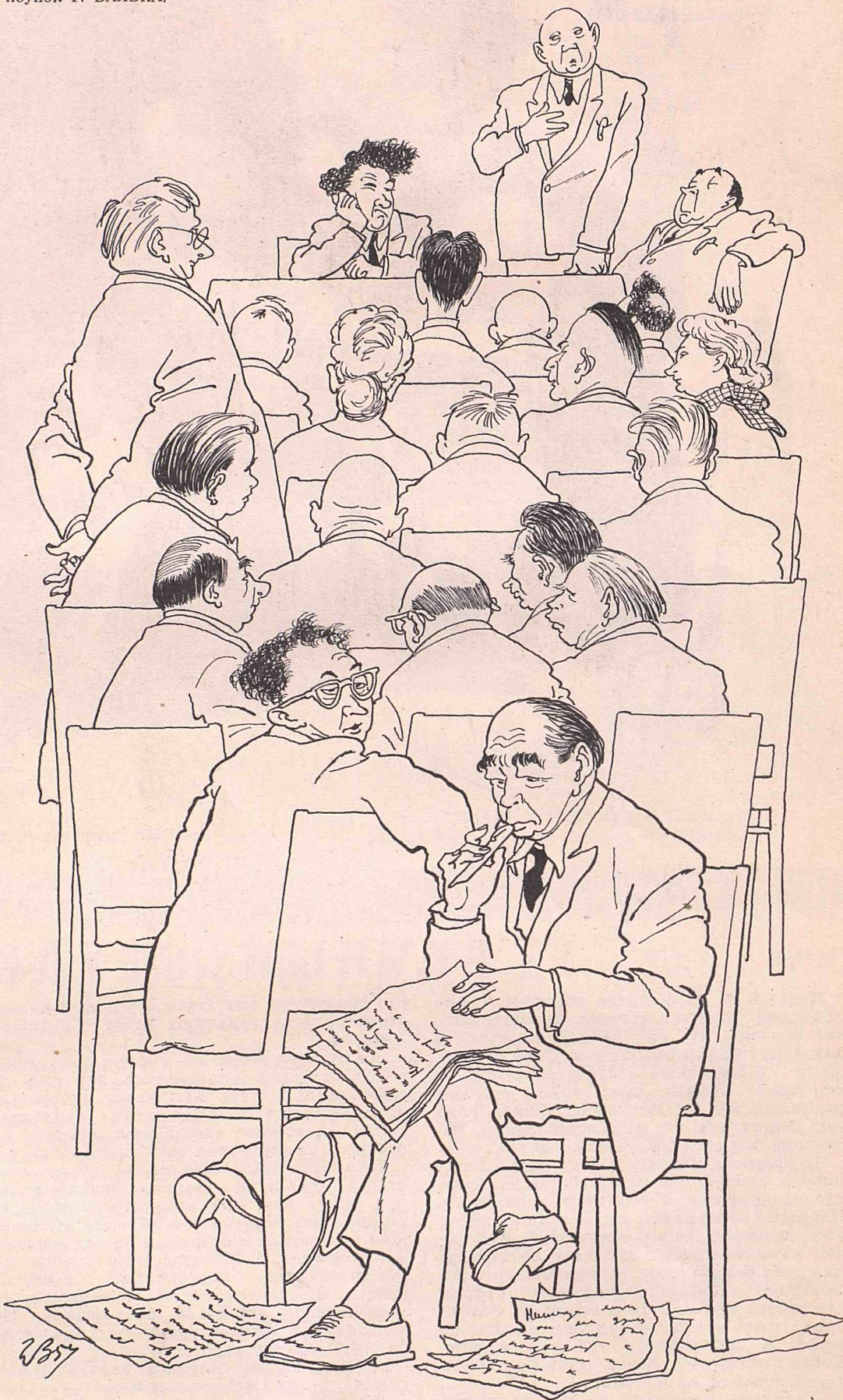
— Недурненько! — одобрил директор.

Холодным весенним утром 1953 года около экскаватора появились люди.

— И по винтику и по болтику!.. — дружно зацепили они, снимая части и лёгкие детали с экскаватора.

Ободранный остов продолжал ржаветь у дороги до окончательного решения вопроса. Прошёл 1953 год. Возмущённые таким отношением к социалистической собственности, работники станции обратились к министру промышленно-

Рисунок Г. ВАЛКА.

— Что ты пишешь? Тезисы?
— Тссс!.. Роман.

сти строительных материалов РСФСР тов. Болдыреву и к прокурору Сталинского района города Кирова тов. Богданову.

Министр промолчал, а прокурор подумал и... тоже промолчал.

Печальные останки металлоконструкции продолжают тонуть в грязи и ржавчине.

А на очередном заседании директор снова взял слово.

— Ну, как с вывозкой экскаватора? — спросил он.

— Думаем остатки сдать в утиль, — с опаской проронил завхоз.

Против этого никто не возражал. По мнению директора, заключительное совещание по вопросу об экскаваторе прошло на высоком уровне...

Л. ПЛЕТЕНКО

Дорогой КРОКОДИЛ!

Уважаемый Крокодил!

Мы до сих пор не можем без волнения вспомнить тот незабываемый день, когда с путёвками из Москвы нам впервые довелось переступить порог Кировского облпотребсоюза. Как нам обрадовались!

— Товароведы? Экономисты? Превосходно! — радостно восклицали руководители облпотребсоюза. — Как раз те специальности, в которых мы особенно нуждаемся. Молодые, полные сил и знаний... Да вас в нашей системе будут на руках носить!

Так, в охах и восторженных восклицаниях, прошёл первый день. А на другой день руководящие лица деловито сказали:

— Теперь, дорогие товарищи, засучите рукава — и за работу. Поезжайте на строительство грейдерной дороги. Покажите, на что способны вооружённый знаниями кооперативный работник.

Признаёмся тебе, дорогой Крокодил, предложение это несколько ошеломило нас. Какое отношение имеет строительство дорог к товароведению и экономике?

— Самое прямое, — любезно разъяснили нам, — по дороге будут перевозить товары. Просим обратить на это внимание.

Спорить с начальством, как известно, не рекомендуется, и мы пошли. Проработали десять дней и вернулись восвояси. Приняли нас в облпотребсоюзе и на этот раз исключительно ласково.

— Прибыли, учёные кадры? Хорошо потрудились? Молодцы! А мы для вас, признаться, уже новую работёнку приготовили. Будете бороться со стихией, то бишь со снежными заносами. Лопаты получите в кладовой.

И пошло, дорогой наш Крокодил, и поехало. После заносов нас в авральном порядке командировали на стройку нового здания облпотребсоюза. Строили три года. Затем подоспело ещё одно дельце: заложили универсальную базу. А когда задумали строить овощную базу заготуправления, взоры начальства опять обратились в нашу сторону.

Теперь мы уже смело можем называть себя опытными землекопами и каменщиками. Что же касается наших старых специальностей, полученных в техникуме, то мы и думать о них забыли. Руководящие лица облпотребсоюза тоже. Правда, иной раз тот или иной начальник затянет по при-

вычке старую песню: «А... вот они, молодые, полные сил и знаний...», но тут же спохватится и конфузливо умолкнет. Чувствует, значит, что не совсем удобно получается.

А. КОМАРОВСКИХ,
В. ГРИГОРЬЕВА и др. —
всего 13 подписей.

г. Киров.

Дорогой дядя Крокодил!

У меня к тебе большая просьба. Будь добр, передай, пожалуйста, директорам фабрик «Сокол» и «Светоч» моё предложение.

Дело в том, что чернила на тетрадных листах этих фабрик ведут себя очень непослушно: они капризно расплываются во все стороны. Когда же я прикладываю к исписанному листу промокательную бумагу, получается совсем уж плохо — сплошные кляксы: промокашка сделана из какого-то чернило непроницаемого материала.

Мне за это в школе ставят двойки. А ведь ещё в прошлом году министр просвещения РСФСР тов. И. Каиров писал тебе, что двойки в таком случае надо ставить не детям, а тем, кто вырабатывает плохую бумагу и делает плохие тетради.

Я и предлагаю фабрикам «Сокол» и «Светоч» выпускать тетради из таких непромокаемых промокашек, а в тетрадь вместо промокательной бумаги вкладывать промокаемый тетрадный листок. Тогда я и другие ученики будем лучше учиться.

Серёжа ГРИНБЕРГ,
ученик школы № 103.

г. Ленинград.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

ОБЛАГОДЕТЕЛЬСТВОВАЛИ...

Когда работники Неклиновской районной больницы узнали, что над ними берут шефство ростовские областные медицинские учреждения, им представилась идилическая картинка: щедрые шефы душой болеют за свою подшефную больницу, помогают врачам, ободряют больных...

Но эта картина — только плод воображения. А вот что говорят документы:

«Зав. неклиновским райздравотделом тов. Фельдман Г. А.

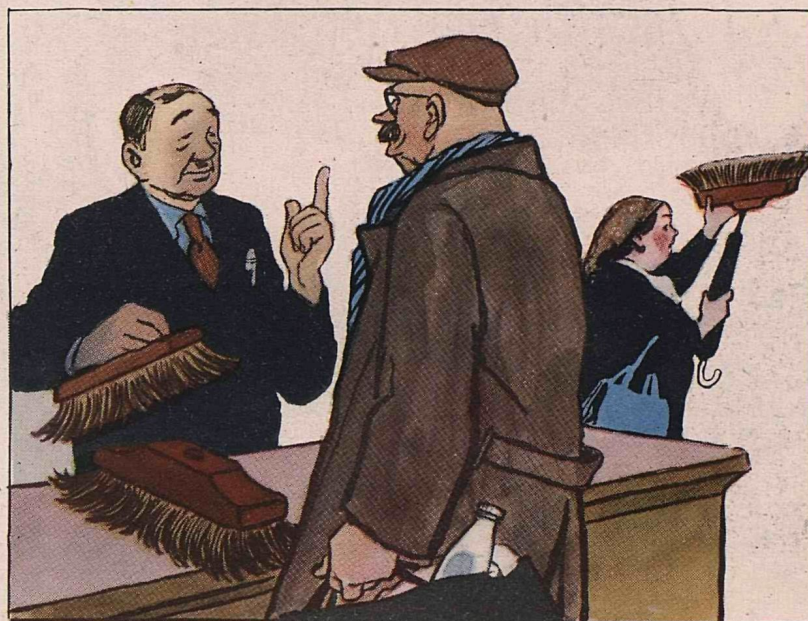
Копия: Главврачу больницы т. Ганоцкому.

Облздравотдел просит Вас вернуть во 2-й Роддом г. Ростова, полученные в порядке шефской помощи 400 пелёнок.

Зам. зав. облздравотделом Руденко».

Как бы, только успев родиться, ещё в пелёнках, безвременно не скончалась шефская помощь ростовчан неклиновцам?!

Рисунок Бориса ЛЕО.

— Но где же найти палку для щётки?
— Как где? В ближайшем лесу, гражданин.

Как ни странно, НО...

Главснаб Министерства промышленных товаров широкого потребления СССР считает, что путь между серпуховскими фабриками проходит не по улицам города, а через Москву. Иначе он не установил бы такой поря-

док, когда четыре серпуховские фабрики вынуждены в столице получать тарную ткань, изготавливаемую в том же Серпухове.

Тут уж ходить, как говорится, не «за семь вёрст киселя хлебать», а за все девяносто девять...

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во „Правда“. Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 06236. Изд. № 866. Подписано к печати 9/Х 1954 г. Формат бум. 70 × 108¹/₂. Заказ № 3134. Тираж 400 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

40

20 ОКТ. 1954

12843-м

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

ЗА ОКЕАНОМ

- Наши дипломаты установили два рекорда.
- Какие?
- Один по дальности перелётов, а другой по недалёковидности в политике.